

Ворожбитова А.А.

Сочинский государственный университет

Сочи

E-mail: alvorozhbitova@mail.ru

ЛИНГВОРИТОРИКА СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ТИПОЛОГИЯ В ПОЛИЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Феномен советского дискурса позиционируется в статье как выражение ментальной диглоссии лингвориторического (ЛР) характера, обусловившей специфику структурных уровней и функционирования советской языковой личности (ЯЛ). Представлена системная матрица категорий, фиксирующих ведущие аспекты рассмотрения полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП), охарактеризованы этапы развития и типология советского публицистического дискурса.

Ключевые слова: Сочинская лингвориторическая (ЛР) школа, полиэтносоциокультурно-образовательное пространство (ПЭСКОП), динамика дискурсивных процессов, советский дискурс, советская языковая личность (ЯЛ)

Vorozhbitova A.A.

Sochi State University

Sochi

E-mail: alvorozhbitova@mail.ru

LINGUISTIC & RHETORIC OF SOVIET DISCOURSE: STAGES OF DEVELOPMENT AND TYPOLOGY IN THE POLYETHNIC SOCIOCULTURAL & EDUCATIONAL SPACE

Abstract. The phenomenon of Soviet discourse is positioned in the article as an expression of the mental diglossia of the linguistic and rhetorical (L&R) character, which determined the specifics of the structural levels and functioning of the Soviet language personality (LP). The article presents a systemic matrix of categories that fixes the leading review aspects of the polyethnic sociocultural & educational space (PESCES) and characterizes the stages of development and typology of Soviet journalistic discourse.

Key words: Sochi linguistic & rhetorical (L&R) school, polyethnic sociocultural & educational space (PESCES), dynamics of discursive processes, Soviet discourse, Soviet language personality (LP).

В трудах Сочинской лингвориторической (ЛР) школы в качестве особого социокультурного феномена речемыслительной природы подвергался специальному изучению *советский дискурс*. Важность продолжения

исследований специфики советского дискурса с позиций ЛР парадигмы обусловлена пристальным интересом к ушедшей эпохе в истории России. На протяжении 70 лет особый ментальный мир, детерминированный «социопсихологический ключом» – строками международного пролетарского гимна «Мы наш, мы новый мир построим» [7], казался незабываемым в восприятии коллективных языковых личностей (ЯЛ) тех этносов, которые в условиях нового мультинационального государства образовали совокупную ЯЛ этносоциума особого типа – коллективную *советскую ЯЛ*. Нерушимой казалась и онтологически свойственная данному типу политизированного социокультурно-идеологического дискурса, имевшая характер *ЛР конструкта ментальная диглоссия*. Данное терминологическое сочетание фиксирует феномен сосуществования в языковом сознании коллективной ЯЛ продуцента и реципиента двух типов русскоязычного дискурса: «советский ритуальный язык» и «человеческий язык» [3], которые функционировали в сферах официальной коммуникации и бытового, личного, общения. Эта диглоссия предстает как своего рода идеологический коррелят XX в. по отношению к языковой ситуации IX–X вв., когда на основе киевского койнэ складывалась «церковнославянско-русская диглоссия» (ср. выражение «Евангелие коммунизма» Т. Рузвельта).

С 90-х гг. XX в. специфику «языкового существования» (Б.М. Гаспаров) в России обусловило стремление совокупной ЯЛ этносоциума, которая номинирована нами как «*коллективная ЯЛ россиянина*» (тип ЯЛ по государственной принадлежности) к изживанию последствий гиперидеологизации ЛР картины мира, русского языка, преодоление «метастаз новояза» советского официолекта. Исторически сложилось, что политическая идеология напрямую воздействует на русский язык как государственный, и русский язык (русский дискурс, по Н.Д. Арутюновой, в нашей терминологии – национальный макродискурс) оказался в определенной степени деформирован советским дискурсом как идеократическим мыслеречевым конструктом, вызревшим в недрах самого

русского языка (что показано, в частности, Н.А. Купиной на примере толкового словаря Д.Н. Ушакова [4]). Негативные стороны советского дискурса можно метафорически представить как «затмение солнца» национального русского макродискурса, в котором концепт **ПРАВДА** в семантическом спектре системы его лексических репрезентаций, понимаемый как не искаженная в идеологических целях адекватная информация о действительном референте, выглядит оставшимся светлым участком.

В теоретико-методологическом аспекте целесообразно поместить «тоталитарный язык» (Н.А. Купина), «деревянный язык идеологии» (М. Рыклин), в ЛР матрицу структуры *полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП)*. Последнее функционирует на мезоуровне в мультинационально-государственном масштабе, на макроуровне – в планетарно-мировом масштабе. Микроуровень рассмотрения предполагает отсутствие префикса *поли-* и актуализируется в случаях моноэтнического государства, что в эпоху глобализации, в условиях постоянной миграции населения, практически неосуществимо.

Статический и динамический аспекты рассмотрения в ЛР парадигме ПЭСКОП в системной матрице категорий, производных от базовых категорий *информация, коммуникация, дискурс*, представлены в Табл. 1, 2.

**Таблица 1. Статический аспект дифференциации
полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП)**

<i>Информационное пространство ПЭСКОП</i>	<i>Коммуникативное пространство ПЭСКОП</i>	<i>Дискурсивное пространство ПЭСКОП</i>
Термин фиксирует статический аспект ПЭСКОП в его информационной ипостаси: семиотически организованную совокупность вновь сообщаемых новых сведений – <i>рематическую</i> составляющую того или иного текста, шире – дискурса (текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, мыслимый как процесс, по Н.Д.	Термин фиксирует статический аспект ПЭСКОП в его коммуникационной ипостаси: персонализированный срез общения в рамках ПЭСКОП на различных уровнях в	Термин фиксирует статический аспект ПЭСКОП в его дискурсивной ипостаси: <i>всю тема-рематическую организацию</i> ПЭСКОП, его вербализованное содержательно-смысловое, архитектурно-

<p>Арутюновой), еще шире – «ЛР картины мира» как иерархии ценностных суждений на базе культурных концептов (топосы) и связей между ними (топы как структурно-смысловые модели). Эта картина формирует дискурс-универсум, в котором функционирует коллективная языковая личность этноса/совокупная языковая личность этносоциума, и, соответственно, актуального ПЭСКОП.</p>	<p>разных сферах: межличностной, социальной, политической, экономической, культурной, образовательной, научной и др.</p>	<p>композиционное акциональное наполнение, учитывает всю систему текстовых массивов, образующих различные конфигурации дискурс-практик и дискурс-ансамблей на интра- и экстралингвистическом уровнях их рассмотрения, в синхронии и диахронии.</p>
---	--	--

Таблица 2. Динамический аспект дифференциации полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП)

<i>Информационные процессы ПЭСКОП</i>	<i>Коммуникационные процессы ПЭСКОП</i>	<i>Дискурсивные процессы ПЭСКОП</i>
<p>Термин фиксирует динамический аспект ПЭСКОП в его информационной ипостаси: непрерывное поступательное движение вновь генерируемых тематических блоков и содержательно-смысловых цепей, перманентное круговое наращивание инвентивных звеньев в каркасной схеме традиционных топосов и топов.</p>	<p>Термин фиксирует динамический аспект ПЭСКОП в коммуникационной ипостаси: взаимодействие между продуцентами и реципиентами дискурса, непосредственное (контактное общение) или опосредованное (дистантная коммуникация: а) пространственного типа; б) временного типа).</p>	<p>Термин фиксирует динамический аспект ПЭСКОП в его дискурсивной ипостаси: рассмотрение всей совокупности текстовых массивов в единстве с экстралингвистической информацией в процессуальном плане их интенционально обусловленного формирования, развития, функционирования, угасания, эволюционных трансформаций и кардинальных революционных преобразований («сдвигов тектонических пластов» национальной словесности) как дифференцированные и одновременно взаимодействующие и зачастую теснейшим образом переплетающиеся, образующие диалогические единства, как эксплицитно (прямое/косвенное цитирование, рецензирование, обобщение, полемика и др.), так и имплицитно (аллюзия, плагиат и др.).</p>

В качестве *информационно-коммуникативно-дискурсивной основы* ПЭСКОП СССР советский дискурс детерминировал всю систему соответствующих *информационных, коммуникационных, дискурсивных процессов* и соответствующих субпространств при формировании и функционировании речемыслительных феноменов разных типов: дискурс, текст, литературное произведение, речевая коммуникация, речемыслительная

культура, ЯЛ субъектов дискурсивных процессов, литературная личность продуцента в сфере литературно-художественной коммуникации и др.

Периодизация становления, развития и демонтажа советского дискурса представлена нами следующим образом:

1. Истоки: вторая половина XIX в.

Мыслеречевая деятельность российской интеллигенции, по большей части развивающаяся в условиях конспирации, трансформируется в большевистский, а затем в советский официальный дискурс (См. статью Н.А. Бердяева «Духи русской революции», 1918 г. [1]). В том числе, впервые в русской истории убийство провозглашается нормальным средством социальных инноваций в прокламации П. Зайчневского «Молодая Россия», 1862 г. [2, с. 5]).

2. Период нелегального развития: XX в. до 1917 г. (социал-демократический, марксистский и др. типы и разновидности оппозиционного, революционного дискурса; большевистский дискурс, подготовивший Октябрьскую революцию).

3. Период официального функционирования в XX в.: 20-е гг.; 30-е гг.; эпоха Великой Отечественной войны; послевоенные годы; «оттепель»; «застой».

Эпохи революционного и официозного пафоса предстают фазами эволюции русского советского дискурса, ее восходящей и нисходящей ветвями в условиях «смены сталинской системы террора хрущевским реакционно-политическим государством» [8]). Согласно П. Серию, в языковом отношении эта смена знаменуется потерей агенса, экспансией номинализованных конструкций, генитивных цепей и т.п. [Цит. по: 7].

4. Перестройка 1985 г.: развенчание и демонтаж советского официального дискурса и художественно-идеологического дискурса «литературы социалистического реализма».

5. Постперестроечный период: проявление тех или иных «рецидивов» советского дискурса на этапах развития российского ПЭСКОП в 1990-е, 2000-е, 2010-е гг.

Эпохой расцвета советского официального дискурса стал период Великой Отечественной войны. Именно в данной идеологической разновидности русского национального макродискурса воплотилось «языковое сопротивление» (Н.А. Купина), а точнее – ЛР сопротивление дискурсу и в целом идеологии национал-социализма и фашизма со стороны коллективной советской ЯЛ, представителя ПЭСКОП супердержавы СССР. В борьбе за правое дело в священной освободительной войне против фашистских захватчиков активизировался весь могучий потенциал ЛР инструментария тяжеловесного и монументального официального дискурса советской эпохи.

На постперестроечном этапе советский дискурс проявляется в поливариативности; русский язык как государственный во многом продолжает испытывать специфическое влияние официальной стилистики, формирующей «деревянный язык идеологии» [6, с. 5].

Таким образом, можно выделить композиционно-знаковую триаду языковых ситуаций: зарождение («вступление») – расцвет в условиях схватки не на жизнь, а на смерть в ситуации военно-идеологического конфликта («кульминация»), демонтаж («развязка») – как своего рода «реперные точки» в развитии СССР как ПЭСКОП. Последнее в полной мере было основано именно на советском дискурсе как особом употреблении русского языка. Согласно П. Серио, Ю.С. Степанову, дискурс советской идеологии хрущевской и брежневской эпохи трактуется как особый случай употребления некоторого языка, особый «подъязык», результат воздействия на русский язык «советского способа оперирования языком».

Такими ключевыми в функционировании *советского дискурса* как особого социокультурного феномена правомерно считать следующие экстремальные *языковые ситуации*:

1) период Октябрьской революции и гражданской войны. Происходит раскол национального русского макродискурса на советский, исподволь формировавшийся в нем, и альтернативный антисоветский, аккумулировавший отчасти некоторые отвергнутые духовные ценности в рамках идеологии непримиримого противостояния большевизму;

2) период Великой Отечественной войны. Советский дискурс, мобилизовав все свои резервы, выстоял в смертельной схватке с фашистской идеологией и получил широкое распространение в мире;

3) «Перестройка» 1985 г., которая «маркирует начало конца тоталитарного языка советской эпохи» [4].

В рамках советского дискурса доминантой в парадигме его функционально-стилевых реализаций, максимально «сильной позицией» его идеологического самораскрытия предстает *публицистический дискурс*. Ранее мы обращались к публицистике периода Великой Отечественной войны как к особому, специфическому периоду существования советского ментального мира, когда под угрозой тотального уничтожения огромной империи наиболее ярко продемонстрировали свою лингвистическую и экстралингвистическую специфику конструирующий этот мир дискурс, детерминированный соответствующей ЛР картиной мира большевистской, марксистско-ленинско-сталинской идеологии. Война стала таким испытанием для этноса, которое не могло не обусловить специфику глобального дискурсивно-текстообразующего процесса совокупной ЯЛ этносоциума, не найти отражение в характере индивидуальной мыслеречевой деятельности.

Исследование значительного массива публицистических текстов периода Великой Отечественной войны показало, что в советском дискурсе данного периода четко выделяются три противопоставленных по ряду признаков пласта:

а) официальная («официозная») печать (передовые статьи газеты «Правда», других СМИ, выступления официальных лиц и др.);

б) личные дневники, записные книжки, другие формы неофициальных высказываний писателей военного периода, отражающие мучительный разрыв между официальной «правдой» и реальным положением дел;

в) публицистические статьи мастеров слова (по отзывам ветеранов, статьи Эренбурга, Толстого, Шолохова, Леонова, Соболева и других известных советских писателей обладали огромной силой воздействия, в буквальном смысле вдохновляли на подвиги, помогали бесстрашно побеждать врага).

В своей совокупности три названные дискурс-практики, обладающие также внутренней типологической дифференциацией, входят в частные дискурс-ансамбли, которые образуют ярко выраженную парадигму и условно квалифицированы нами как разновидности общего дискурс-ансамбля советского публицистического дискурса:

– *официолект* (официальный публицистический дискурс);

– *реалиолект* (неофициальный советский дискурс искренне советских ЯЛ, преданных идеям социализма и винящих во всех бедах «переродившееся правительство», «антинародный институт НКВД» (О. Берггольц). Системой эмоционально-когнитивных координат здесь выступают факты, жизненные реалии, события, которые, будучи вербально оформлены, становятся единицами языкового сознания);

– *публиолект* (некое промежуточное с точки зрения «удельного веса правды» ментальное субпространство советского дискурса. Такой дискурс достаточно реалистичен, иногда даже нелюбезен, однако он одобрен цензурой и представлен в государственных изданиях).

В наиболее чистом виде русскоязычная оппозиция советского периода *официолект* – *реалиолект* предстает в сопоставлении альтернативных дискурс-практик: передовые статьи газеты «Правда» и оппозиционные государственной системе дневниковые записи. В допущенных к публикации статьях больших писателей, мастеров слова, правдивых в силу своего

большого таланта (Л. Леонов, М. Шолохов, Л. Соболев, И. Эренбург и др.), т.е. в рамках *публиолекта*, осуществляется синтез элементов официолекта и реалиолекта в том или ином соотношении их удельного веса.

С теоретико-методологических позиций в типологических построениях следует учитывать, что на протяжении всего существования советского строя параллельно функционировал *антисоветский дискурс*, принципиально не приемлющий марксистско-ленинскую идеологию, т.е. альтернативное советскому ментальное пространство. Таким образом, Этос и Пафос, Логос и София коллективной советской русской/русскоязычной ЯЛ находили свое воплощение в следующих продуктах коллективной мыслеречевой и речемыслительной деятельности обобщенных продуцента и реципиента дискурсивных процессов в рамках лингвориторико-герменевтического круга:

1) в *русском советском дискурсе*:

а) в *официолекте*; б) в *реалиолекте*; в) в *публиолекте*;

2) в *русском антисоветском дискурсе*, полемизирующем с марксистско-ленинской идеологией с категорически непримиримых позиций.

Названные крупные ментально-дискурсивные структуры – дискурс-ансамбли, формируемые дискурс-практиками целого ряда ЯЛ, – образуют *тетраду*, соотношение элементов которой представим в табличной форме (Табл. 3).

В условиях господства идеологизированного государственного дискурса возможна «миграция» языковой/литературной личности из одного ментального субпространства или даже пространства в другое, в том числе альтернативное. Так, дневниковые записи М.М. Пришвина довоенных лет являются антисоветскими по своей идеологической сути и идейной направленности. Однако в период Великой Отечественной войны тональность его исповедальной прозы меняется: писатель симпатизирует большевикам, исключительно с ними связывая возможность одолеть фашистов [5].

**Таблица 3. Система дискурс-ансамблей русскоязычного
публицистического дискурса советского периода: четверичный принцип**

Русскоязычный публицистический дискурс в советский период развития совокупной языковой личности полиэтносоциума			
СОВЕТСКИЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС			АНТИСОВЕТСКИ Й ПУБЛИЦИСТИЧЕ СКИЙ ДИСКУРС
допускаемый к публикации		не допускаемый к публикации	
официолект	публиолект	реалиолект	
идеократическая советская мифология, «Евангелие коммунизма» (Т. Рузвельт)	репрезентируемый дискурс-практикой реальный референт в официальной идеологической рамке, изложение положения дел с «правильной» идейной акцентологией	«натуральный реализм» советской ЯЛ, противопоставляемый «лакировке действительности» «социалистического реализма»; резкая критика практической реализации официальных установок, нарушения прагматической конвенции «единства слов, убеждений и дел» (Н.Д. Арутюнова)	полная ментально-идеологическая альтернатива марксистско-ленинско-сталинской идеологии

Таким образом, советский дискурс генерирует особый ментальный мир речемыслительного продукта коллективной советской ЯЛ – глобального субъекта идеологически деформированных информационно-коммуникативно-дискурсивных процессов, имеющих комплексную ЛР природу. Этапы развития и типология советского публицистического дискурса предстают в новом свете с позиций системной матрицы категорий, фиксирующих ведущие аспекты рассмотрения ПЭСКОП. Феномен глубинной ментальной диглоссии советского дискурса, которая объективно проявляется в качестве ЛР конструктов, детерминирует парадигму дискурс-ансамблей, а в их рамках – дискурс-практик. Это обусловило специфику структурных уровней и функционирования советской ЯЛ в рамках ПЭСКОП в ее коллективной и индивидуальных ипостасях.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 55–89.
2. Будницкий О.В. История терроризма в России. – Ростов-на-Дону, 1996.
3. Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма / Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. – М.: Русский учебный центр МС, 1994. – С. 233–244.
4. Купина Н.А. Тоталитарное мышление по данным русских словарей и текстов советского времени // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Мат. конф. МАПРЯЛ. – Краков, 1996. – С. 15–19.
5. Пришвин М.М. Дневники 1905–1954 // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 8. – 759 с.
6. Рыклин М. Террорологии. / Сер. Философия по краям. – Тарту-Москва: Эйдос, 1992. – 221 с.
7. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей / Под ред. акад. Ю.С. Степанова – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.
8. Фромм Э. Душа человека / Сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. – М.: Республика, 1992. – 432 с.

References

1. Berdyaev N.A. Duhi russkoj revolyucii // Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolyucii / S.A. Askol'dov, N.A. Berdyaev, S.A. Bulgakov i dr. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. – S. 55–89.
2. Budnickij O.V. Istorija terrorizma v Rossii. – Rostov-na-Donu, 1996.
3. Krongauz M.A. Bessilie yazyka v ehphu zrelogo socializma / Znak: Sb. statej po lingvistike, semiotike i poehtike pamyati A.N. ZHurinskogo. – M.: Russkij uchebnyj centr MS, 1994. – S. 233–244.
4. Kupina N.A. Totalitarnoe myshlenie po dannym russkih slovarej i tekstov so-vetskogo vremeni // Voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: Mat. konf. MAPRYAL. – Krakov, 1996. – S. 15–19.
5. Prishvin M.M. Dnevniky 1905–1954 // Sobr. soch.: V 8 t. – M.: Hudozhestvennaya li-teratura, 1986. – T. 8. – 759 s.
6. Ryklin M. Terrorologiki / M. Ryklin / Ser. Filosofiya po krayam. – Tartu-Moskva: EHjdos, 1992. – 221 s.
7. Stepanov YU.S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti // YAzyk i nauka konca 20 veka: Sb. statej / Pod red. akad. YU.S. Stepanova – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1995. – S. 35–73.
8. Fromm EH. Dusha cheloveka / Sost.: P.S. Gurevich, S.YA. Levit. – M.: Respublika, 1992. – 432 s.